

Я буду долго гнать велосипед...

Баба Яга доехала по лесной тропинке до опушки, откуда сквозь порыжевшие деревья уже виднелся яркий зелёный забор первого совхозного дома, и спрятала велосипед в кустах. Не годилось людям знать, что осталась она без верной своей метлы.

С горки Яга спустилась пешком, ловко и уверенно ставя крепкие и совсем не «косяные» ноги. Дикая малина поникла уже и спряталась в папоротниках, малина сыто поблёскивали в сонной траве, стыдливо краснели недотроги сыроежки. Но некому было в крошечном хозяйстве «Тайнинское» бегать за грибами. Детишек скудная молодёжь заводить не спешила, мечтая сначала вырваться в большой город или уж на худую – так хоть в райцентр – в пыльный и несуетный Чейск. Только туристы и беспокоили домоседку-Ягу, но беспокоили крепко.

«Напасти на них нет!» – шипела бабка, пробираясь сквозь заросли лопуха на задах окраинных домов, чтобы, не пересекая единственной улочки, выйти к деревне Воробьяниново, к которой Тайнинское мараловодческое хозяйство жалось левым боком. Репьи цеплялись за новую цыганскую юбку Яги, обрадованные возможностью завести детей где-нибудь в центре села. Раньше – тихого, удалённого от основных людских рек, но теперь всё больше страдающего от модной напасти – экотуристов. Молочка им, видишь ли, подавай парного, звёзд полных ярких, дымом городским незанавешенных! Мозги им хочется переподключить от вай-фая к игре ветра в серёжках берёзовых, что б им пусто было!

Туристы – пугай не пугай – лезли едва не в печку. Уж и лешего Яга просила присмотреть, и водяного – ничто не останавливало оголтелых горожан. Блудили в лесистом предгорье, тонули в сердитой горной речке, но нет-нет да и добирались до приземистого сруба, полагая его за пристанище староверки, вроде Агафьи Лыковой. И всё на карточку заснять пытались! Даже самую Ягу вспышкой слепить не брезговали.

В порче и глазе фотоаппаратов достигла она высот практически небывалых, а вот избушку не уберегла. Её фото во Всемирной сети Интернет ужасно

возбуждало теперь охочих до приключений туристов. Хоть переходы уже с мирной вегетарианской диеты на говяжую, мясную!

Хитрый пошёл турист. Приляжет Баба Яга вздремнуть месяцок-другой, а уже и забредёт кто с рюкзаком да трекинговыми палками. Такая палка даже в печь не годится! Хорошо хоть наменяла Яга на эти палки свежих яиц у деревенских. Те вроде наловчились помидоры на хитрый туристский трекинг привязывать.

И вздремнула-то всего ничего – с июля по август. Как не поспать чуток одинокой бабке? Лес большой, заботы требует, а она уж которое столетие одна как перст. Поизмельчали людишки. Где её взять, Елень или Базилису, чтобы заботы лесные доверить? Вот и крутилась Яга всю весну юлою – где пожар в бору, где деревушку паводком подтопит. Прикорнула с устатку на печи, а проснулась – метлы тью-тью!

Это велосипед можно прикупить в ближайшем магазине самообслуживания, где на соседних полках и хлеб, и стиральный порошок, а в углу – железная клетка с модными зелёными галошами на алой подкладке. А метла-то нужна своя, заговорённая.

Для настоящей колдовской метлы каждый прутик с нужного дерева срезают да в нужное время. Омелу – в полнолуние, берёзу – на двенадцатый день растущей луны, осину – так только в луну чёрную. А сама метла вяжется в купальскую ночь. Это что же, из-за туристов –

год теперь новую метлу готовить?

Яга преодолела-таки разлапистое лопушиное царство, отряхнула юбку от репьев, пригнулась пониже, изображая старческий радикулит, и засемила задами к дому деревенского участкового, чей портрет красовался в центре села на единственном магазине.

Пускай-ка участковый отыщет супостатов. Пожалеет старую.

Как ей одной управиться? Змея ли Горыныча по следу пустить – так деревню спалит-разорит, а как ей на старости лет без деревни, коли к парному молоку привыкла – похуже самогона? Серого Волка позвать, так тот теперь к Чейскому мясокомбинату приписан, охраняет. А кот Баюн – так и вообще в клубе на баяне играть подрядился, пойдди, дозовись его. А речки вспять воротить – стара она уже. Разве что на лопату охальников да в печку!

Баба Яга распахнула новую крепкую калитку в высоком заборе участкового, миновала будку с впавшей в кому собакой (собаку-то не обманешь показным вегетарьянством) и занесла ногу в новой калошине, чтобы стукнуть в дверь. И тут вспомнила, что позабыла дома клюку!

Вот незадача! Она изогнулась поубедительнее, подпёрла кулаком спину, чтобы не распрямиться ненароком, и ввалилась в обширную обихожённую избу участкового.

– Ой, милоч, ограбили-и! – загнусила Яга с порога.

Участковый, принимавший в это время на кухне густой горячий борщ, поперхнулся лавровым листом и едва не отдал Богу то, что причиталось уже мирскому правосудию. Был участковый ленив, не гнушался мелким браконьерством и приношениями селян не брезговал. Но отношения у них с Ягой сложились хорошие.

Ещё по за той весне приспичило Яге ярое солнце по старинке блинами встретить. А на настоящие блины дрова нужны не колдовские, а человеческими руками сработанные. Вот и решила она заглянуть в село, мужика какого попросить – пособи, мол. Зашла в крайнюю избу, а там участковый как раз пироги уминал: возьмёт пирог, помнёт, пожамкает да и целиком в рот запихает. Ну и, понятное дело, не до бабки ему в этот момент было.

А спустя малое время заглянула в ту же избу соседка. Глядь – за столом, новенькой клеёночкой покрытом, не мужик сидит, а идолище поганое! Вместо головы – чурбан липовый, в чурбане – дупло, и в это дупло

идолище пироги запихивает!

Соседка в крик, а чурбан жрёт да чавкает, жрёт да чавкает.

Вот с той истории и стал участковый к сельским пенсионерам весьма расположен. Потому прокашлялся, нос красный кулаком вытер, костюм форменный одёрнул и наизготовку встал: мол, готов трудиться на благо людям. Нехай с ним, с борщом, пусть хоть стынет!

Баба Яга скорбно поджала губы и поведала полицейному, по случайности или по родовому соответствию носящему фамилию Чурбанов, горькое своё горе. Приснула, мол, а метлы – тью-тью. И туристским духом несёт так, что аллергия разыгралась. Будь она на тыщёнку-другую лет помоложе, бросилась бы в погоню по запаху да по густому, сравняла бы охальников с землёй сыпучей, пеплом бы развеяла... Но вот незадача – ноги старые, не держат. Как ей в погоню – без метлы-то? Едва добралась до деревни на... Тут Баба Яга замялась и решила слукавить: на своих двоих, мол, доковыляла.

Участковый Чурбанов вспомнил, как, в зеркало глянув, по лесу бегал да коленки у Яги в избушке протирал. Если бы не внучка, что надоумила, как себя вести, так и остался бы чурбаном... И в помощи отказать не посмел.

Долго сказка сказывается, а мотоцикл полициант раскочегарил в две минуты. Яга пожеманилась, но уселась в коляску. (Не бежать же ей, уставив нос по ветру, поперёд мотоцикла?) Она громко высморкалась в клетчатый мужской платок, и мотоцикл покотил с ветерком вслед за густым чело-вечьим духом.

Плохонький асфальт кончился сразу по выезде из села, под колёса легла разбитая грунтовая дорога, посыпанная для остратки гравием. Люлька с Бабой Ягой подпрыгивала на выбоинах, пыль поднималась клубами, по неудобницам цвёл иван-чай вперемешку с крапивой. Вскоре показали совхозные поля, золотые от подсолнечника.

А сладкий «человеческий дух» всё летел вдаль лёгким облачком, и конца-краю не видать было этой неспешной погоне.

Через час Ягу растрясло с непривычки, она маялась и чихала. Участковый давно уже понял, что мотоцикл не очень-то годится для ледящей пенсионерки, и ломал голову, где бы выпросить хотя бы старенький «москвич».

Вот так и доехали Баба Яга с участковым до берёзовых колоков, где дорога разветвлялась и левая ветка её уходила к соседней деревне Хлестокуро-

во. Участковый покосился на Бабу Ягу, та кивнула, и мотоцикл резво покатил к сельсовету.

В администрации села Хлестокурово было не по-деревенски пусто. Пустовал даже кособокий вахтёрский столик у лестницы на второй этаж, где под охраной таилось от народа самое высокое хлестокуровское начальство.

Участковый помог Яге преодолеть скрипучую деревянную лестницу и замер в нерешительности. Надписи на дверях гласили: «Первый заместитель С. Я. Слепых», «Зам. по АПХ Н. Я. Глухих», «Глава сельсовета А. Я. Копыто». В табличку с фамилией Копыто была воткнута бумажка с надписью красным маркером «Не беспокоить!». Участковый Чурбанов почесал то место, где иногда зарождаются у людей умные мысли, и толкнул среднюю дверь.

Чиновник сидел за столом аккуратенький, короткопалый, в круглых очках. Глаз от бумаг он не поднял и головы к вошедшим не повернул.

Участковый кашлянул и, не добившись никакого шевеления, сказал громко:

– Старший сержант Чурбанов! Нам бы транспорт какой, расследованию пособить?

Чиновник вздрогнул и уставился на Бабу Ягу, что лесной филин. Лицо его отразило подслеповатое недоумение: кто, мол, пустил в кабинет посторонних?!

Баба Яга прищурилась было: а не превратить ли короткопалого в этого самого филина, раз уж сам готов заухать? Но тут, диссонансом бумажному личику чиновника, казалось, никогда и не слышавшего ни о чём странном и неведомом, из-за стены соседнего кабинета донёсся совершенно потусторонний утробный звук!

Полиционер вздрогнул и схватился за отсутствующую кобуру, а очки у чиновника сползли на нос, обнажив острые глазки-гвоздики. И только Баба Яга ощутила вдруг то же, что чувствует старая охотничья собака, случайно уткнувшаяся в горячий след!

Яга, позабыв про радикулит, выскочила из кабинета чиновника-филина и рванула в соседний! В тот самый, где в табличке торчала бумажка с надписью «Не беспокоить!».

Беспокоить обладателя двери с бумажкой и впрямь было поздно. Тут же выяснилось и то, почему не сидел за своим столом вахтёр, пусты и гулки были коридоры. В кабинете А. Я. Копы-

то стояли все работники администрации. Чиновник в чём мать родила стоял в своём огромном кожаном кресле. Маленький, в четверть обычного человека, ладенький, лишённый видимых органов чувств – бесполой, безухий и безглазый. Он ничего не делал, только время от времени издавал дикое, леденящее кровь «И-уа!».

«Голем», – ахнула про себя Баба Яга.

Ей не в новинку было, что среди хоть как-то работающего деревенского начальства самый главный колосс оказался – напрочь прогליневшим. На такого только метлой махни...

Яга оглянулась в поисках метлы, тут явно без неё не обошлось. Но метлы не было. Только слабый запах туристов прятался по углам да вроде как следы от прутьев змеились по затоптанному ковру.

Первым опомнился участковый. Он обошёл вокруг голема, осмотрел его и, побрезговав бумагой на чиновничьем столе, достал из кармана блокнот.

– Свидетелей попрошу не расходиться! – рявкнул он.

И вот тут-то столпившихся в кабинете наконец прорвало. Секретарша ударилась в слёзы, сослуживцы задрожали, как листья на ветру, а старенький вахтёр подскочил к пузатому шкафу, где радостно поблёскивал дорогой коньяк, схватил бутылку «Наполеона», обнял её, как друга, и прижал к впалой груди.

Баба Яга дунула-плюнула, понимая, что иначе они ничего не узнают от бесптолковых клерков, и напустила на секретаршу дух разумения. Только тогда девица начала рассказывать, промокая глаза подолом юбки.

– Я ж их не пускала, занят, мол. А они – «мы на минуточку, на минуточку» – и веником на меня машут...

– Метлой, – поджав губы, уточнила Яга.

– Вот я и говорю – веником! – всхлипнула секретарша. – Я не пускала. Не знаю я, как так вышло. Заглянула – а они там! А он – стоит в кресле и па-альцем грози-ит...

– А туристы? – строго спросил старший сержант Чурбанов.

– А туристы убежали-и... – заплакала секретарша.

Голем, уловив знакомые нотки, с готовностью подвыл. Вахтёр рванул с бутылки пробку, два клерка кинулись утешать секретаршу, но столкнулись лбами и заплакали друг другу в жилетки.

– Фу-ты, срамота! – рассердилась Баба Яга, хлопнула в ладоши и выключила все посторонние звуки. Потом прошлась, подбоченясь, по кабинету,

где продолжалась слёзодавительная пантомима, и отыскала-таки крохотный кусочек берёзового прута от метлы. Она озабоченно сдвинула брови, поплевала на все четыре стороны и топнула обувью в галошу ногой.

Стрелки на настенных часах дрогнули, насторожили уши и начали крутиться назад, пока не замерли на двенадцати пополудни. Получалось, что туристы уже четыре часа как ушли, и на попутке они успели бы добраться даже до райцентра, города Чейска.

Баба Яга с неохотой нашарила в кармане, пёстрой заплаткой болтающемся на юбке, пригоршню гороха (добрый горох-то нынче дорог) и швырнула на пол. Горошины выбросили зелёные стрелки ростков и, обгоняя друг друга, устремились к потолку. Они раскрывали листочки, обвивали усами всё, до чего могли дотянуться: шторы, ноги и руки замерших, испуганных людей. Скоро в переплетениях зелёных стеблей исчезли и посетители, и мебель, и даже участковый Чурбанов зазеленел весь и покрылся белыми бутонами гороховых цветов. А потом зелень начала так же стремительно сохнуть, скукоживаться – и вдруг вспыхнула колдовским огнём и осыпалась пеплом.

Комнату заволокло дымом. Люди начали чихать. Наконец и голем, не имея носа, раздулся весь изнутри и оглушительно чихнул!

Дым рассеялся. В кресле сидел уже не голем, а толстенький мужичок. Дородный сливовощёкий царёк деревенского масштаба, по закономерному сельскому недоразумению попавший прямиком в главы администрации.

Баба Яга погрозила ему пальцем, он тут же сдулся, испуганно захлопав глазами. Чиновник ещё не понял точно, что же с ним приключилось, лишь редкие волоски на его многострадальной плечи один за другим становились стоймя да пальцы выбивали истеричную дробь.

Участковый Чурбанов, повывавший уже с Ягой всякое, откашлялся и потребовал предоставить ему для расследования не абы что, а личную копытовскую «Волгу». А. Я. Копыто потянулся к телефону и под глухой стук упавшей в обморок секретарши вызвал шофёра, а потом установил на Ягу, как муха на влажное полотенце.

– Чего туристы-то просили? Куда дальше пошли? – строго поинтересовалась та.

Но Копыто только молчал и пучил новенькие глазки. Выдернутый

из привычного чиновничьего мира, в мире настоящем он вёл себя как существо весьма ограниченно разумное. Потому-то он и успел побывать големом. Метла ведь не человек, её магия способна лишь приравнять подобное к подобному.

Баба Яга огорчённо зацыкала, понимая, что настоящего толку от марионеточного человека не добьёшься, опять поплевала по сторонам, взяла графин и плеснула воду на ковёр, где та не растеклась, а легла ровным зеркальным озерцом. И все, кто был в кабине, увидели вдруг в озере точно такой же кабинет, с тем же чиновником. И дверь, в которую вошли парень и девушка в джинсах. Парень был с рюкзаком, а девушка держала в руках большую лохматую метлу.

Участковый Чурбанов, увидев ростков, схватился за сердце, но Яга этого не заметила, так пристально уставилась она на фигурки в зеркале воды. Девушка о чём-то говорила, оживлённо размахивая руками, чиновник кривился. Но, к сожалению, звука «телевизор» Бабы Яги воспроизвести не мог.

Видно было только, что, разгорячённая спором, девица стукнула комелем метлы об пол, комнату заволокло дымом, а когда дым рассеялся, в кресле сидел уже всем знакомый обрубок.

Увидев со стороны, как было дело, Копыто вздрогнул, побелел, словно рожала его не Настя Егорова от непутёвого экспедитора, а берендейка-Снегурочка. Потом всхлипнул и обмяк, раздавленный вырвавшейся из повиновения небумажной жизнью.

Баба Яга покачала головой, потёрла теперь действительно подуставшую спину, с горечью вспомнила, как пустила зимой гусей-лебедей на модное фуа-гра, и захромала из кабинета, падая на костенеющую прямо на глазах левую ногу. Ой, не понравилась ей метла, худо-бедно, но работающая в чужих руках.

«Что ж это делается? – размышляла бабка. – Неужто заскучала совсем метла? Или в яви людской добавилось вдруг магии? А она, Яга, и не углядела?»

Ох, состарилась Яга, ох, нюх потеряла! Только подумалось старой, что успокоились бури в людском царстве, а жизнь потекла не бурной речкой, как тут же и оказалось, что покой-то не от жизни, а от старушечьей её сонливости. И мир снова нужно править, мотая на клубок лишние дорожки да сажая охальников на лопату – и в печь!

Участковый тихохонько погрузил по-

мрачневшую бабуку в чиновничью «Волгу», дождался, пока махнёт она рукой, и покатила в указанном направлении по дороге на славный город Чейск.

Асфальтовая дорога, понятное дело, оборвалась сразу же за селом, как будто корова языком слизнула, и объявилась потом по волшебству только у маслозавода. Молоко-то нужно успеть довести до города по ровному да масло не взбить.

«Волга» бежала резво, предгорье ложилось заплатами убранных и ещё колосящихся полей. У горизонта висело жирное дождевое облако. К нему и бежала машина, а с нею и киношные беленькие облака, словно барашки, которых ветер гнал на убой.

– Ох, догоню туристов, – бурчала Баба Яга и цыкала зубом. – Ужо будет им от меня на орехи!

– Да сдались тебе эти туристы, бабушка? – насмелился участковый, когда показала бензоаправки на подъезде к Чейску. – Может, ну их? Едем домой? Я до хаты тебя свезу. До села – с ветерком, а там – запряг бы тайнинский сторож мерина. А уж я бы потом метлу разыскал, оформил бы всё как полагается. Большой ли грех? Туристы – молодые ребята, и селу от них всё-таки малая польза есть...

– Цыц, дурной, – нахмурилась Яга. – Чего навое-то городишь? Просмотрела я этот край. От туристов всё зло и есть. Вот поймаю, заберу метлу – дороги в район узелком завяжу, на клубок смотаю. Жить будем, как в старину, в глуши, как положено. Не нужны нам туристы. Один разор да беспокойство!

– Да как же разор, бабушка? – не унимался участковый. – Посмотри в окно-то! Дома какие красивые в городе понастроили: ставни расписные, потолки натяжные! Туристы нам заглядывают, и живём всё краше. Только по деревням нашим не сильно-то проедешься. Дороги-то у нас плохонькие...

– Чем тебе плохи наши дороги?! – взвилась было патриотка-Яга, да машину как раз подбросило на ухабе, и она больно и страшно клацнула зубами.

Зубов у Яги маловато было только спереди, сугубо для устрашения деревенских, а про остальные имелся в районной поликлинике неплохой стоматолог и протезист.

Машина выписала новое антраша, и неприслётнутая Яга едва не вписалась носом в лобовое стекло.

– Что б ты гепнулся, репнулся да перекодубасился со своими дорогами! – вспыхнула она, и участковый тут же мячиком подскочил над рулём, кувыркнулся и...

– Чур, меня, старую! – взвизгнула Яга, возвращая участкового в водительское состояние.

– А-а... что, бабушка, – спросил он, стуча от страха зубами, но не переставая крутить баранку, – и у тебя, значит, были... чурсы эти?

– Предки-то? – усмехнулась Яга и хорошо посмотрела на Чурбанова.

Тот задрожал как осиновый лист, но тут на его ментовское счастье машина въехала в город, и Яга отвлеклась на яркие вывески магазинов, читая их по слогам и хихикая, когда выходила какая-нибудь несуразчина вроде «Магазин «Маша»: всё для здоровья – чай, водка, книга».

Скоро показался большой радостный дом с триколором наверху, и Яга ткнула в него пальцем:

– Там они, туристы!

Припадая на совсем окостеневшую ногу, бабушка, не дожидаясь помощи участкового, выбралась из машины и похромала через нарядную площадь с цветочной клумбой к белому зданию районной администрации.

Участковый догнал её, запыхавшись, открыл дверь, и оба они остолбенели: весь огромный холл администрации был беспорядочно заставлен офисной и не очень мебелью. Тут теснились и старинные расшатанные стулья, и новые, с ортопедическими спинками, а по бокам жались пуфики, кресла, табуретки и тумбовые столы.

Баба Яга, почуяв неладное, схватилась за враз занывшую спину. Участковый решительно отодвинул загродевшее вход кресло и начал расчищать дорогу к лестнице. Но, поднявшись кое-как на второй этаж, они увидели, что самый главный чиновничий кабинет прямо-таки забаррикадирован нахальной мебелью.

Чурбанов обеспокоенно оглянулся на Ягу, та развела руками. Мол, я-то дуну, да ведь тогда и мебели никакой казённой не останется. Да и, похоже, не мебель это вовсе.

Тогда участковый стал сам разгребать дорогу в мебельном заторе, вытирая солёный пот да вздыхая от дурных предчувствий.

И вот последний тумбовый стол был сдвинут с прохода, дверь распахнулась...

За дверью оказался предбанник для секретарши, где стояли в ряд несколько табуреток. А за второй, главной дверью с золочённой неразборчивой надписью Яга и участковый увидели огромный дубовый стол и два стула – солидный офисный и маленький

детсадовский, расписанный под хохлому.

Перед детским стульчиком сидела и всхлипывала девушка с метлой. Парень с рюкзачком притулился на подоконнике распахнутого окна второго этажа, откуда было всё-таки очень далеко до земли.

Увидев старшего сержанта Чурбанова, девушка зарыдала, словно до этого она плакала на черновик, а подслеповатая Яга опознала в ней наконец внучку участкового, приезжавшую по прошлому лету из большого города, что от корней родных уже оторвался, а потому был Яге не подвластен.

Чурбанов поднял с пола девочку, закрыв её от Яги собственным дрожащим телом. Но ведьма прекрасно видела жертву и сквозь него.

– Ну! – сказала она грозно. – Сказывай, зачем метлу без спросу взяла! Вот я вас обоих да на лопату!..

Паренёк спрыгнул с окна, но Яга топнула ногой, и он застыл, шевеля губами, как вытащенный из воды голян.

– Молчи! – пригрозила Яга. – Вижу я, кто тут зачинщица!

Деввица вдруг перестала плакать и, всхлипнув, указала на стул:

– Я же по справедливости хотела, а они...

– А чего просила-то с моею метлой, глупая? – усмехнулась Яга замаскированно-беззубым ртом.

– Хотела, чтобы дороги в нашу глушь проложили хорошие. Чтобы ехали к нам люди звёздам ярким, земле радоваться. Вон цапли к нам на озерцо прилетели. Маралы спускаются с гор. Разве же можно, чтобы позабыли такую красоту?

– Так ведь и без того проходу мне не дают туристы ваши, – нахмурилась Яга.

– Так то же по глупости, – всхлипнула девица. – Всего-то и надо, что в твоём бору природоохранную зону сделать.

– Ты... это, не горячись, бабушка, – вклинился участковый. – Она же не со зла. Она же для всех хотела.

– Для всех – не для всех, а нехорошо чужое брать, – насупилась Яга. – Вот не послушалась бы тебя метла моя, да превратила бы в... – тут она осеклась, внимательно посмотрела по сторонам и поманила метлу. И та вскочила к ней в руку не хуже, чем к Гарри Поттеру.

Задумалась Яга. Уж больно много кругом стульев теснилось. Неужто столько силы в девочке этой, мокроносой, чтобы с чужой метлой заставить

такую кучу народа лица свои настоящие явить? Они же, люди теперешние, тепличные, при работе своей – и есть не больше чем мебель...

Баба Яга надула губы, зашевелила ими, вспоминая заклинание...

– Не надо дороги в клубок, бабушка, – взмолился участковый. – Ты ж и сама уже к городскому привыкла! И к калошам новым, и к поликлинике!

– Не надо, бабушка... – прошептала девица.

Яга буркнула что-то неразборчивое, покосилась на внучку участкового, грозно нахмурилась:

– А с тобою я опосля поговорю! Вот наступит тебе положенный возраст – так знай: как запоёт деревянная кукушка да часы в обратный ход пойдут, так в избушку ко мне иди! А не придёшь... – она посмотрела на паренька, прикидывая, влезет ли такой длинный «иванушка» в старенькую печь.

– Приду, бабушка, – поспешно закивала девица.

– Ну, так хорошенько запомни, что придёшь, – сурово сказала Яга. – Да береги крепче, кого любишь.

Она шмыгнула носом, вроде как чих на неё нашёл, украдкой вытерла заслезившиеся глаза и приказала:

– А сейчас – домой ворочайтесь! И, как солнце зайдёт, будет тут всё по-прежнему.

Она взмахнула метлой, плюнула по углям и ощутила, как распрямляется натруженная спина.

– Бабушка, – не сробела девица, – а дороги-то теперь будут?

– Дороги? – Баба Яга посмотрела в окно, где солнце уже повисло над дальними девятиэтажными домами. – А как звать-то тебя, запомятовала я?..

– Василиса...

– Поглядим на твоё поведение, Василиса, – вздохнула Яга, оседлала метлу и со свистом вылетела в окно.

Ох, охальница-девчонка... Вот какое, значит, живое нутро у внучки участкового. Вот как молодой росток сквозь старое дерево-то пробился! Коль так, то можно, поди, и дороги ей дать...

Молодая Баба Яга и землю будет хранить по-новому, с теперешними порядками. Уж она поймёт, как хранить. А бабка поспит теперь, ох, поспит!

Ветер погладил Ягу по лицу влажным крылом, орёл, углядев в воздухе странный объект, едва не свалился в штопор. А она летела себе на метле и тихонько напевала: «Я буду долго гнать велосипед...»